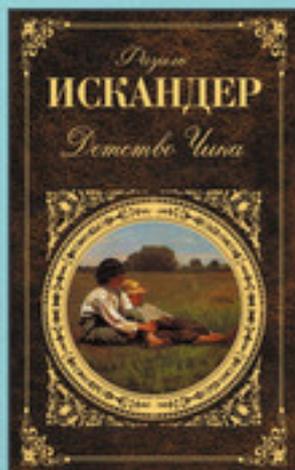

Фазиль Абдулович Искандер

Возмездие

*Часть сборника
Детство Чика*

Рассказы о Чике

Фазиль Искандер

Возмездие

«ЭКСМО»

Искандер Ф. А.

Возмездие / Ф. А. Искандер — «Эксмо», — (Рассказы о Чике)

«...Небольшого роста, коренастый, Керопчик посмотрел вокруг себя своими прозрачными глазами безумной козы. Сначала он посмотрел на Пити-Урию, который барабанил щетками по дощатому помостику, куда клиенты ставят ногу, но под взглядом Керопчика перестал стучать. Керопчик перевел взгляд на Алихана и, решив, что с Алиханом ему интереснее повеселиться, подошел к нему. Чик почувствовал тревогу, но Алихан почему-то ничего не почувствовал...»

© Искандер Ф. А.

© Эксмо

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Фазиль Искандер

Возмездие

Чик стоял рядом с дядей Алиханом, продававшим сласти у входа на базар, когда с базара вышел Керопчик с тремя друзьями. Чик сразу почувствовал, что Керопчик и его друзья очень весело настроены и что это не к добру.

Они выпили на базаре чачи, и желание повеселиться настигло их у выхода с базара. Чик это сразу почувствовал.

– Хош¹ имею пошухарить, – сказал Керопчик и остановился вместе с друзьями.

Слева от входа под навесом лавки стоял Алихан со своим лотком, набитым козинаками и леденцами, а справа от входа расположился чистильщик обуви Пити-Урия.

Только что прошел дождь. Пережидая его, Чик остановился под навесом возле Алихана, но уже сверкало солнце, и Чик собирался уходить домой, когда появился Керопчик со своими друзьями.

Небольшого роста, коренастый, Керопчик посмотрел вокруг себя своими прозрачными глазами безумной козы. Сначала он посмотрел на Пити-Урию, который барабанил щетками по дощатому помосту, куда клиенты ставят ногу, но под взглядом Керопчика перестал стучать.

Керопчик перевел взгляд на Алихана и, решив, что с Алиханом ему интереснее повеселиться, подошел к нему.

Чик почувствовал тревогу, но Алихан почему-то ничего не почувствовал. Высокий, сутуловатый, он стоял над своим лотком, уютно скрестив руки на животе.

– Салам алейкум, Алихан, – сказал Керопчик, еле сдерживая подпирившее его веселье.

Чик понял, что Керопчик уже что-то задумал. Друзья его тоже подошли к Алихану, весело глядя на него в предчувствии удовольствия. Алихан и тут не обратил внимания на настроение друзей Керопчика.

– Алейкум салам, – отвечал Алихан на приветствие, голосом показывая неограниченность своей доброжелательности.

– Ты почему здесь торгуешь, Алихан? – спросил Керопчик, словно только что заметил его лоток.

– Разрешениям имеем, Кероп-джан, – удивляясь его удивлению, отвечал Алихан.

– Кто разрешил, Алихан?! – еще больше удивился Керопчик, подмигивая друзьям, уже корчившимся от распирившего их веселья.

Алихан и на подмигивание его не обратил внимания.

– Милициям, Кероп-джан, – ответил Алихан, слегка улыбаясь чудаческой наивности Керопчика, – начальник базарам, Кероп-джан.

– У меня надо разрешение спрашивать, Алихан, – назидательно сказал Керопчик и легким толчком ноги опрокинул лоток. Стекло витрины лотка лопнуло, и часть сладостей высыпалась на мокрую бульжную мостовую.

Керопчик и его друзья повернулись и пошли к центру города. Они шли, подталкивая Керопчика плечами и показывая ему, как это он здорово все проделал.

Алихан молча смотрел им вслед. Губы его безропотно шевелились, а в глазах тлея тысячелетняя скорбь, самая безысходная в мире скорбь, ибо она никогда не переходит в ярость.

Сердце Чика разрывалось от жалости и возмущения подлостью Керопчика и его друзей. О, если бы у Чика был автомат! Он уложил бы всех четырех одной очередью! Он строчил бы и строчил по ним, уже упавшим на землю и корчившимся от боли, пока не опустел бы диск!

---

¹ Настроение.

Но не было у Чика никакого автомата. Он держал в руке базарную сумку и молча смотрел вслед удаляющимся хулиганам.

Алихан постоял, постоял и вдруг, опираясь спиной о стенку лавки, возле которой он стоял, сполз на землю и, сев на нее, стал плакать, прикрыв лицо руками и вздрагивая тощими сутулыми плечами.

Лавочник высунулся из-за прилавка и удивленно посмотрел вниз, словно стараясь разглядеть дно колодца, в который опустил Алихан.

– Дядя Алихан, не надо, – сказал Чик и, нагнувшись, стал подбирать леденцы и липкие от меда козинаки, сдувая и выковыривая из них соринки.

Чик подумал, что если их вымыть под краном, то еще вполне можно продать. Он собрал все, что высыпалось, и вложил обратно в лоток через пролом разбитого стекла. Он отряхнул руки, как бы очищая их от медовой липкости, а на самом деле показывая окружающим, что ничего не взял из того, что высыпалось из лотка. Он это сделал бессознательно, как-то так уж само собой получилось.

Вокруг Алихана сейчас столпились лавочники из ближайших лавок, знакомые и просто случайные люди.

– Он сказал: «Хош имею пошухарить», – рассказывал Пити-Урия вновь подходившим. – Я думал, ко мне подойдет, а он прямо подошел к Алихану...

И вдруг Чик почувствовал, что по толпе прошел испуганный и одновременно благоговейный шелест. Некоторые стали незаметно уходить, но некоторые оставались, шепча вполголоса:

– Мотя идет... Тише... Мотя...

По тротуару, ведущему ко входу на базар, шел Мотя Пилипенко. Это был рослый, здоровенный парень в сапогах и матросском костюме с медалью «За отвагу» на бушлате.

Год тому назад он появился в Мухусе и сразу же настолько возвысился над местной блатной и приблатненной мелкотой, что никому и в голову не приходило соперничать с ним. Считалось, что его и пуля не берет, и потому он имел прозвище Мотя Деревянный.

О его неслыханной дерзости рассказывали с ужасом и восхищением. Простейший способ добычи денег у него был такой. Говорят, он входил в магазин со своим знаменитым саквояжем, вызывал заведующего и, показывая на саквояж, тихо говорил:

– Дефицит... Закрой двери...

Заведующий выпускал покупателей, приказывал продавцу закрыть дверь и подходил к прилавку, куда Мотя ставил свой саквояж. Мотя осторожно открывал саквояж, заведующий заглядывал в него и немел от страха – на дне саквояжа лежали два пистолета.

Заведующий подымал глаза на Мотю, и тот, успокаивая его, окончательно добивал.

– Эти незаряженные, – кивал он на пистолеты, лежавшие в саквояже, – заряженный в кармане.

После этого заведующий более или менее послушно вытаскивал ящик кассы и вытряхивал его в гостеприимно распахнутый Мотей саквояж. Мотя закрывал саквояж и, уходя, предупреждал:

– Полчаса не открывать...

Так, говорили, он действовал в самом Мухусе и в окрестных городках.

Чик не только слышал о Моте, но и довольно часто видел его. Дело в том, что недалеко от улицы, на которой жил Чик, был довольно глухой переулок и в конце этого переулочка находились баскетбольная и волейбольная площадки. Между ними травянистая лужайка, на которой росла шелковица.

Мотя почему-то любил приходить сюда отдыхать. Он или спал на траве под деревом, или, опершись подбородком на руку, лениво следил за игрой, и его глаза выражали всегда одно и то же – спокойный брезгливый холод.

И глаза Моти (что скрывать!) были источником тайного восторга Чика. Чик знал, что именно такие глаза были у любимых героев Джека Лондона. Ни у одного из знакомых Чика не было таких глаз. Чик иногда украдкой всматривался в зеркало, чтобы поймать в глубине своих глаз хотя бы отдаленное сходство с этим выражением ледяного холода, и с грустью вынужден был признать, что ничего похожего в его глазах нет.

Может быть, дело в том, что глаза у Чика были темные? Кто его знает. Но до чего же Чик любил эти стальные глаза, выражающие ледяной холод или презрение к смерти. Иногда Чик думал: согласился бы он потерять один глаз, чтобы второй глаз стал таким? Чик не мог точно ответить себе на этот вопрос. С одной стороны, ему все-таки было бы неприятно становиться одноглазым, а с другой стороны, он не был уверен, что одинокий, хотя и источающий ледяной холод, глаз может производить то впечатление, которое производили глаза Моти. Мотя, конечно, не мог не заметить восхищенных взоров Чика, когда тот издали на спортплощадке любовался им, но, разумеется, Чик с ним никогда не разговаривал, тем более на эту тему. Однажды на спортплощадке Мотя хотел Чика послать за папиросами, но Чик не успел подойти, как один из мальчиков постарше Чика выхватил у него деньги и побежал сам.

И вот сейчас Мотя, сверкая своей медалью, приближался к ним. Говорили, что он эту медаль получил не на фронте, а каким-то темным путем. Чик этому почему-то не хотел верить, хотя одновременно и восхищался дерзостью, с которой Мотя носил эту медаль, если она не заслужена...

...Мотя подходил тяжелыми шагами усталого хозяина. Поравнявшись с толпой и не понимая, в чем дело, он остановился и сумрачно оглядел толпу. Толпа раздвинулась, и Мотя увидел Алихана, сидящего на земле и плачущего рядом со своим разбитым лотком.

– Кто? – спросил Мотя, с брезгливым холодком оглядывая толпу.

Взгляд его говорил: то, что вы не способны кого-нибудь защитить, это я и так знаю, но сделайте то, что вы можете сделать: назовите виновника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.